

Джулиан Барнс

МЕТРОЛЕНД
♦
ДО ЕЕ ВСТРЕЧИ
СО МНОЙ
♦
ПОПУГАЙ
ФЛОБЕРА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 25

Julian Barnes
METROLAND
Copyright © 1980 by Julian Barnes
BEFORE SHE MET ME
Copyright © 1982 by Julian Barnes
FLAUBERT'S PARROT
Copyright © 1984 by Julian Barnes
A SELF-POSSESSED WOMAN
Copyright © 1975 by Julian Barnes
ONE OF A KIND
Copyright © 1982 by Julian Barnes
All rights reserved

Перевод с английского
Александры Борисенко, Виктора Сонькина,
Татьяны Покидаевой, Елены Петровой
Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Покидаева

© Е. С. Петрова, перевод, 2026
© Е. С. Петрова, З. А. Смоленская, примечания, 2026
© Т. Ю. Покидаева, перевод, примечания, 2001
© В. В. Сонькин, А. Л. Борисенко, перевод, 2012, 2022
© В. В. Сонькин, примечания, 2012, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31356-9

О РОМАНЕ «МЕТРОЛЕНД»

Была бы вся проза так же тонко сконструирована, так же полна юмора и пицци для размышлений, как «Метроленд», — никто бы и не заикнулся о смерти романа.

New Statesman

Дебют — ну и что, что дебют: все равно прекрасный образчик хорошо темперированной британской изящной словесности. Строгая трехчастная структура, кольцевая композиция, золотое сечение. Сдержанно и иронично.

Метроленд — название пригорода Лондона, пограничная между метрополисом и деревней зона, в которой все особенное, вплоть до сексуальных пристрастий обитателей района. Именно отсюда происходит главный герой, похожий на Барнса молодой интеллигент, сноб, бунтарь, мечтатель и франкофил, знающий бодлеровскую «Пададь» как свои пять пальцев. Вместе с приятелем-одноклассником они фланируют по городу, философствуют и эпатируют буржуа. Сюжет романа — воспитание чувств, над пропастью во ржи, волшебная гора... Типично барнсовский сюжет — история взросления — в «Метроленде» оказывается историей девальвации метафоры; с годами герой понимает, что прямая номинация гораздо сильнее... Простое семейное счастье с его нежностью и ласками стоит всех звукоподобных Малларме и бодлеровских метафор. Вообще, в «Метроленде» — одно из лучших в мировой литературе описаний семейного счастья; прочтите: так оно все и бывает.

Лев Данилкин (Афиша)

Изумительно свежо, шедевр ностальгического эпатажа.

Vogue

«Метроленд» — описание бурных шестидесятых с точки зрения англичанина, студента-словесника, увлекающегося культурой Франции. Политические события уходят на второй план, это меньше всего объективное изложение исторических фактов, но как раз наоборот, субъективное повествование, фиксирующее эмоциональное восприятие мира обычным человеком, для которого его личная жизнь, личная история и французская литература гораздо важнее любых политических волнений.

Иностранная литература

Не указывает ли само название «Метроленд» на экфрасис будущего творения героя — проект «Истории Лондонского общественного транспорта» с рисунками и фотографиями? Последние в романе играют определенную роль (например, фотографии с изображением красивых мест по линии метро), но они не заменяют картин, рисунков, зданий. Зато в известной экранизации романа акценты смещаются: фотография вытесняет живопись, а жизнь — искусство...

Вестник Пермского университета

Барнс задает очень интересные вопросы: почему семейное счастье оказалось за бортом высокой поэзии/литературы? В какой момент семейный быт стал синонимом скуки, лицемерия, пивного пуза и глупого самодовольства? В какой момент здоровые отношения между людьми стали неинтересны писателям? Писать о счастье действительно невероятно сложно (навскидку можно вспомнить «Старосветских помещиков» и Толстого до «Анны Карениной»; еще, пожалуй, «Дар» и «Память, говори» Набокова). История приучила нас к тому, что самые интересные сюжеты замешены на ревности, жадности и смерти, а самые ценные уроки мы извлекаем (или, чаще, не извлекаем) из предательств, поражений и катастроф. Счастье же по природе своей статично и самодостаточно, ему не нужны красивые метафоры и громкие слова, оно в них не нуждается, и потому оно — плохой материал для романа.

Так вот «Метроленд» в каком-то смысле вызов устоявшимся представлениям о роли счастья в западной литературе. Барнс пишет роман-ловушку...

Горький

О РОМАНЕ «ДО ЕЕ ВСТРЕЧИ СО МНОЙ»

Это была довольно злобная книга о неприглядной стороне сексуальности, о ревности и одержимости. Она была задумана жесткой, должна была оставлять неприятный осадок. Мне кажется, это самая смешная моя книга, хотя ее юмор отдает мрачностью и дурновкусием.

Джулиан Барнс

Мало кто сможет устоять против этого юмора, этой коварной притягательности... Барнсу удалось написать одну из тех книг, от которых не можешь оторваться до самого утра.

The New York Times Book Review

Пугающе правдоподобно — и написано с невероятным мастерством.

Guardian

Содержательно и остроумно исследует психологию, философию и любовь во всем многообразии их проявлений.

The Times

Короткий и безжалостно блестящий роман об отношениях, погубленных ревностью, полный тонких наблюдений о природе любви.

Metro

Смешно, печально и слегка зловеще... описанная в романе ревность кажется осязаемой и опасной.

Spectator

Эта классическая «история одного убийства» — чтение достойное, озорное и гротесковое. Здесь писатель выбирает себе сразу несколько «часто задаваемых» банальнейших вопросов: правда ли, что во втором браке рискуешь наступить на те же грабли, как относятся к эротическим киносценам супруги актеров и есть ли лекарство от ревности. Оказывается, что ответы вы и сами прекрасно знаете. Главный герой сам бросил свою первую жену, но не смог выдержать идиллию со второй — он стал ревновать ее к прошлому. А у его супруги, бывшей актрисы третьего плана, как раз было несколько «скелетов в шкафу». Весь роман автор пытается спасти своего новоявленного Отелло — и с помощью психоанализа, и с помощью юмора. Но ничего не помогает: когда слово «адюльтер» начинает появляться уже слишком часто, герой таки хватается за нож.

Лиза Новикова (Коммерсантъ)

Роман «До ее встречи со мной» — в своем роде антишестидесятнический манифест. Он борется с представлением, что в 1960-е с сексом как-то разобрались, а до этого все было запутанно и бессмысленно. Сначала миром правила королева Виктория, а потом появились Битлы, все вдруг стали спать с кем попало и излечились. Так многие представляют себе в общих чертах историю английской сексуальности. А я хотел сказать, что все не так, — человеческое сердце и человеческие страсти остаются неизменными.

Ревность — привлекательная тема для романа, потому что она театральна, нередко иррациональна, несправедлива, навязчива и чудовищна для всех участников. Нечто глубоко первобытное внезапно взрывает поверхность нашей якобы взрослой жизни — так голова крокодила показывается вдруг в прудике с кувшинками.

Джулиан Барнс

О РОМАНЕ «ПОПУГАЙ ФЛОБЕРА»

«Попугай Флобера» — восхитительный роман, насыщающий ум и душу... Это книга, которой нужно упиваться.

Джозеф Хеллер

Подлинная жемчужина — роман настолько литературный и в то же время беззастенчиво увлекательный. Bravo!

Джон Ирвинг

Бесконечный источник пищи для размышлений — и стилистический восторг. Шедевр в буквальном смысле слова.

Жермен Грир

Открываешь роман — и невозможно оторваться... Завораживающе, по-настоящему оригинально.

Филип Ларкин

При всей бездне заложенной в «Попугая Флобера» эрудиции, читая эту книгу, невозможно удержаться от смеха. Никогда не знаешь, что Барнс выкинет на следующей странице.

Daily Express

«Попугай Флобера» — захватывающая и в то же время очень веселая книга. Возможно, это самый остроумный антироман со времени «Бледного огня» Набокова. Барнса недаром сравнивают с такими писателями, как Джойс и Кальвино.

Boston Globe

Этот роман — почти нон-фикшн, а именно — очень затейливо аранжированная биография Флобера; коллекция эссе об авторе «Бовари»: его чувстве стиля, женщинах, отношениях с железной дорогой, животными и т. д. Конечная цель исследований безупречна: рассказчик пытается выяснить подлинность чучела попугая, якобы стоявшего у Флобера на письменном столе в течение трех недель.

Оммаж Флоберу исполнен с технической точки зрения потрясающе артистично. Барнс не жонглирует цитатами, подгоняя их под эффектные теории: он медленно копошится в классических флоберовских метафорах, смакуя, обсасывает цитаты и очень сдержанно, неагрессивно, без ролан-бартовских разоблачений, разбирает некоторые флоберовские пассажи. Как Бувар и Пекюше, он переписывает факты и снабжает их своими замечаниями, вылетая попутно сюжеты и метафоры из самого Флобера.

Лев Данилкин (Афиша)

Барнс выбирает всякие бытовые подробности из жизни Флобера и располагает их так, что получается не только биографический роман о великом писателе, но и эстетический трактат, и картина провинциальной французской жизни как в его, так и в наше время, и собрание всяких забавных мелочей — то, что американцы называют «тривиа», и своего рода пародия — не на Флобера, а на литературу вообще — с одновременным апофеозом литературы, искусства как чего-то высшего жизни. И тут же — разоблачение литературы, деконструкция и новое ее вознесение в этом ироническом принижении.

Борис Парамонов (Радио «Свобода»)

Неудивительно, что для своего романа английский писатель выбрал именно фигуру Флобера, ведь сам Барнс разделяет его эстетические воззрения о взаимодействии произведения и автора. Как и Флобер, Барнс настаивает на том, что произведение самоценно и должно восприниматься без оглядки на личность и жизненные перипетии творца.

Все должно одинаково приниматься во внимание и одинаково подвергаться сомнению — и версия ученого, и версия дилетанта. Мир не может быть исчерпывающе объяснен ни одной из версий, взятой отдельно, только их взаимосвязь отражает его наиболее полно. Не существует никаких авторитетов, которые должны восприниматься как носители безусловной истины. Такое отношение к «авторитетному высказыванию» лежит в основе ставшей уже знаменитой барнсовской иронии.

Иностранная литература

«Попугай Флобера» — роман, принесший автору первую славу и первую номинацию на Букера, — представлял собой постмодернистский опус, в котором через историю жизни страстного поклонника Гюстава Флобера детально рассматривалась природа фанатизма.

Итоги

Барнс одержим смертью; точнее, он потрясен тем, что она существует. Отсюда и сюжет лучшего его романа «Попугай Флобера»: протагонист путешествует по местам и временам жизни и творчества нормандского мученика стиля, пытаясь то ли заслонить, то ли объяснить себе совсем иной сюжет — смерть своей жены. Попугай (пародия на Святой Дух во флоберовском «Простом сердце») в барнсовском романе становится жутковатым символом назойливой памяти вдовца и болтливой призвания беллетриста. В сущности, все остальные книги Барнса будто написаны этим самым попугаем Флобера, чучело которого разыскивал герой одноименного романа. А сам Барнс, помешанный на авторе «Саламбо» и «Буvara и Пекюше», — чем он не попугай Флобера?

Кирилл Кобрин (Октябрь)

О ДЖУЛИАНЕ БАРНСЕ

Обожаю Стивена Кинга. Он пугает меня до усрачки. А еще я очень люблю Джулиана Барнса — и это совсем, совсем другое дело.

Дэвид Боуи

Барнс всегда умен, часто оригинален и неповторимо ироничен.

Уилл Селф (The Times)

Джулиан Барнс всегда больше напоминал французского философа, чем британского писателя.

Catholic Herald

Как это часто происходит с изящной (во всех смыслах) прозой Барнса, читатель постепенно вынужден усомниться в своих первых впечатлениях, в очевидных выводах, да и в самих событиях, как будто составляющих базовую сюжетную канву.

Financial Times

Каждой своей новой книгой Барнс будто меняет правила игры. *Oldie*

Сердцем романов Барнса часто служат воспоминания о прошедших событиях, о давних отношениях — и никто другой не умеет так тонко передать всю хрупкость нашей памяти, даже когда речь идет о самых важных событиях нашей жизни и самых близких людях.

NewsChain

Джулиан Барнс всегда любил размыкать границу между прозой художественной и документальной, писать романы, похожие на литературоведческие или исторические работы.

The Guardian

Чего у Барнса не отнимешь, так это способности удивлять.

Sunday Times

Барнс не только виртуозно развлекает читателя, но и обращается к нему с серьезными моральными вопросами; самые мрачные стороны предательства и боли он демонстрирует с тем же блеском, что и фарс сложных любовных перипетий, и столкновение характеров.

The New Yorker

Мало кого так приятно читать в наши дни, как Джулиана Барнса.

Chicago Tribune

В его творчестве остроумие и интеллект сплетаются так, что этому невозможно сопротивляться.

New Statesman

Джулиан Барнс показывает нам, чего может добиться независимый сильный писательский голос, решительно отбрасывая костыли современной прозы.

Philadelphia Inquirer

Джулиан Барнс — один из небольшой плеяды британских романистов-новаторов, которым удалось вытащить английский роман из провинциальной колен, в которой тот было застрял.

Newsday

Любителей изящной, умной и афористичной прозы Барнс никогда не разочарует.

The Gazette

Книги Барнса — это гимн человеческому воображению, сердцу, неистовому разнообразию нашего генофонда, наших деяний, наших наваждений. Они щекожут нам ум и чувства, и Барнс добивается, без трюков и каламбуров, того, что так ценил Набоков, — эстетического наслаждения.

Chicago Sun-Times

Барнс рос с каждой книгой — и вырос в лучшего и тончайшего из наших литературных тяжеловесов. Читатель давно и устойчиво сроднился с его сюжетными и стилистическими выкрутасами и не променяет их ни на что.

The Independent

Барнс — непревзойденный мастер иронии. Все детали современной жизни он улавливает и передает со сверхъестественной тщательностью.

London Review of Books

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог — вот чем Барнс давно пленил нас и продолжает пленять.

The Independent

Фирменное барнсовское остроумие ни с чем не спутаешь.

The Miami Herald

В своем поколении писателей Барнс, безусловно, самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.

The Scotsman

Джулиан Барнс — хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова меняет цвет.

The New York Times

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос... Опять и опять он изобретает велосипед.

Джей Макинерни

Лишь Барнс умеет с таким поразительным спокойствием, не теряя головы, живописать хаос и уязвимость человеческой жизни.

The Times

По смелости и энергии Барнс не имеет себе равных среди современных британских прозаиков.

New Republic

Вопросы соотношения слов и реальности, разрыв между ощущением и описанием — вот философская проблематика, интересующая Барнса-романиста. В этом смысле он близок к Айрис Мёрдок, с которой его роднит безупречно английское чувство абсурдного.

Times Literary Supplement

Современная изящная британская словесность последних лет двадцати — это, конечно, во многом именно Джулиан Барнс.

Российская газета

Барнсу свойственна легкая и увлекательная манера письма, способная скрасить хоть длинный перелет, хоть бессонную ночь, а также незатейливая, но щекочущая нервы ироничность.

Коммерсантъ-Weekend

Легкомысленный и глубокий одновременно, предлагающий за разумную сумму приобрести коллекцию точных высказываний о жизни, Барнс прижился в России даже больше, чем на родине; он — идеальный писатель-иностранец, живое доказательство того, что, выполняя важную этическую миссию — говорить правду, писатель не обязательно должен отказываться от психологически и материально комфортной частной жизни и писать толстые, навязчивые, претенциозные, с космическими амбициями романы, в которых нет ни одной шутки.

Лев Данилкин (Афиша)

Тонкая настройка — ключевое свойство прозы буковевского лауреата Джулиана Барнса. Барнс рассказывает о едва уловимом — в интонациях, связях, ощущениях. Он фиксирует свойства «грамматики жизни», как выразится один из его героев, на диво немногословно... В итоге и самые обычные человеческие связи оборачиваются в его прозе симфонией.

Майя Кучерская (Psychologies)

ХЛАДНОКРОВНАЯ ОДЕРЖИМАЯ

Рассказ

Рассказ «A Self-Possessed Woman» написан Барнсом на конкурс рассказов о призраках, объявленный газетой «Таймс» перед Рождеством 1974 г. совместно с издательством «Джонатан Кейп». Из нескольких тысяч присланных рассказов жюри в составе писателей Кингсли Эмиса и Патрисии Хайсмит, а также актера Кристофера Ли отобрало 13 финалистов, и в том числе — «Хладнокровную одержимую». Сборник «The Times Anthology of Ghost Stories» вышел в ноябре 1975 г.; это был дебют Барнса в художественной прозе, за пять лет до выхода его первого романа, — и больше рассказ не переиздавался.

Мне никогда не нравились эти жилые комплексы в северном конце Бейкер-стрит. Для меня они символизируют мертвенность повышенного материального комфорта. Не стал исключением и комплекс «Шервин-мэншенз». Не успев свернуть с тротуара, ступаешь на ковровое покрытие; далее тебя отрезают от внешнего мира двойные распашные двери, наподобие прозрачных пластиковых перегородок в больничных коридорах; за каждым углом вдалеке маячит невразумительный фонтан, окруженный зеленью, не ведающей дождя. Меня это вконец раздосадовало.

— Только время теряем.

— Если ты, проделав такой путь, отыграешь назад — потеряешь гораздо больше.

Спорный вопрос, но протестовал я исключительно молча. В конце-то концов, Роберт был в некоторой степени моим приятелем, а также — в совершенно определенной степени — деловым партнером. Он мог еще не один год подгонять мне молодых авторов, которые, по его заверениям, как нельзя лучше годятся для оживления весеннего каталога солидного университетского издательства. Такие попытки диверсификации — надо отдать должное его опыту — редко заканчивались неудачей: яркие молодые дарования продавались не хуже своих более скучных, более возрастных собратьев по перу; но, пока кто-нибудь из молодых не оказался открытием года, у меня, в общем-то, не было поводов скрывать от Роберта свои настроения.

— Речь же о Л.Ю.П., так? Почему бы тогда не... Деннис Уитли и иже с ним?

— Во-первых, — ответил Роберт, основательно подготовившись, — потому, что это реально. А во-вторых, — (с ироническим почтением), — потому, что тебе требуется именно это...

— ...для оживления моего каталога.

— Вот-вот.

Из середины дверей нас пристально изучил один глаз; щелкнули замки.

— Мистер Бизли, — начал Роберт, — это Филип Юкер, издательство Л.Ю.П.

Ковровое покрытие становилось толще по мере нашего продвижения вслед за хозяином в направлении просторной гостиной. Миссис Бизли протянула руку из кресла:

— К сожалению, поднимаюсь с трудом. У меня, похоже, смещение диска.

На подлокотнике кресла примостился стакан воды со льдом.

Как медиум она меня слегка разочаровала. Одета просто, макияж — чуть, внешне приятная, но главное — молодая. Я ведь ожидал увидеть женщину в возрасте, которая перешагнула рубеж менопаузы и теперь компенсирует отсутствие своих детей, создавая новую жизнь единственным доступным ей способом. Миссис Бизли разрушила мой стереотип. В свои лет, наверное, двадцать пять держалась она невозмутимо, проявляла интерес к издателю и литературному агенту, но без тени подбобоострастия, а беседу с Робертом начала с ироничной отстраненностью, превосходившей, надо думать, его собственную.

Я окинул взглядом домашнюю библиотеку, в силу привычки определяя, для чего предназначены эти книги: для чтения или для бутафории. Здесь они были расставлены не по размеру, а собрания сочинений — не всегда по порядку; некоторые тома щетинились закладками. Стало быть, для чтения; или же для бутафории, но чрезвычайно умелой.

— Итак, Филип? — начал Роберт.

— Итак, миссис Бизли? — Я повернулся к ней, приглашая, хотя и с долей скепсиса, к беседе.

— Впервые я осознала свой дар полгода назад. С тех пор установила контакты с духами сорока двух ныне покойных писателей. Овладевая моим разумом, они водят моей рукой. Они являются мне по пятницам, между семью и восьмью часами вечера. Дольше чем на час не задерживаются. Когда они исчезают, я очень быстро восстанавливаюсь.

Я выжидал, но она вроде бы закончила.

— И как вы это объясняете?

— Никак.

— Давно вы заинтересовались... психодуховными... практиками?

— Я вообще ими не интересовалась... до недавнего времени.

— Почему между семью и восьмью?

— Не знаю.

— А когда вы записываете слова духов, как выглядит почерк?

— Как мой собственный.

— И вы ожидаете, что я опубликую эти... сообщения?

— Дело ваше. Нынешняя встреча состоялась по просьбе мистера Тайермана, а не по моей.

Я повернулся к ее мужу:

— А вы чем занимаетесь во время этих сеансов?

— По-моему, «сеансы» — не вполне подходящее слово, мистер Юкер. Бывает, я сижу рядом, бывает — нет. Если я молчу, мое присутствие вообще не играет роли.

— Как выглядит миссис Бизли, когда она одержима?

— Примерно так же, как сейчас, только сидит за столом — вон за тем. Но я не приближаюсь, чтобы не потревожить духов.

Даже с учетом своих невысоких ожиданий я был разочарован. Все это походило на встречу старых друзей в ближайшем пабе. Хозяева квартиры даже не пытались меня

поразить. Либо им было все равно, верю я их ответам или нет, либо они точно рассчитали, как пробудить мой интерес.

— Тогда, быть может, вы позволите взглянуть на... документальные свидетельства?

Мне предъявили около восьмидесяти листов, исписанных от руки убористым, слегка причудливым наклонным почерком. Каждая страница была датирована, а внизу стояло имя духа, обведенное красным кружком. Я пролистал эту подборку: Генри Джеймс, Кольридж, Гиссинг, Байрон, Джон Каупер Поуис, Лэндор и так далее. Некоторые имена были мне незнакомы. Кое-какие кружки оставались пустыми, а иные сопровождались вопросительным знаком.

— Значит, не все из них вам представляются?

— Не все; порой нам приходится строить догадки на основе их речей.

— Я вижу, здесь только мужчины.

— Да.

— Каково это, — (я с трудом выносил ее вежливую лапидарность), — когда в тебя вселяется лорд Байрон?

Ни малейшего проблеска.

— Я не осознаю, кто чей дух. Осознаю только свою одержимость. В такие моменты меня не посещают ни мысли, ни эмоции — ощущаю только полный восторг. Я даже не понимаю, что́ они говорят, до тех пор, пока не увижу свои записи.

Меня, как я почувствовал, упрекнули, да к тому же вывели из равновесия. Но я поймал себя на том, что мне симпатичны супруги Бизли: они не обижались на дерзкий тон и, к моей радости, ничуть не походили на заурядных шарлатанов, каких я ожидал увидеть. Но в то же время это утвердило меня в мысли о том, что перед нами некие аферисты. В целом встреча меня основательно заинтриговала. Попросив одолжить мне на время эти рукописи, я ушел вместе с Робертом.

- Каковы впечатления? — спросил он.
- По-моему, это глубоко одержимая женщина.
- Мм. А ее открытия?
- Я с самого начала решил, что это подлог, и сейчас думаю точно так же. Она просто сидит и кропает пародии — я так считаю. Никакого мумбо-юмбо, никаких манипуляций под столом в темноте — для этого хозяева слишком умны. Но все равно перед нами фикция. А второй вариант — что это начитанная истеричка, которая любит представлять, как мужчины овладевают ее телом.
- Но что, если, — с расстановкой произнес Роберт, — это все взаправду?

Тут я не сразу нашелся с ответом.

Следующие несколько дней заполнили молодые преподаватели, озабоченные выбором своих уникальных шрифтов, преподаватели среднего возраста, недоумевающие по поводу скромных размеров аванса, и старая профессура, изобретающая благовидные предлоги, дабы отсрочить сдачу рукописи. Только в выходные мне удалось взяться за папку Бизли. Меня ждал большой сюрприз.

Я знал все великие истории литературных мистификаторов — Чаттертона, Макферсона, Айрленда, Стивенса — и был не чужд литературных пародий, как намеренных, так и (что более характерно в моей профессии) просто указывающих на стилистическую неуверенность какого-нибудь начинающего автора. Но записи Бизли, похоже, лежали в иной плоскости. Как я и ожидал, среди них были законченные отрывки прозы и стихов в стилистике тех авторов, которым они приписывались. Но было много и случайного: черновые наброски, исправления к опубликованным произведениям, пояснения, аргументы для будущих эссе; туда же затесалась целая серия лимериков (непристойных от «Нормана Дугласа», туманно-клеветнических от «Джеймса Джойса»).

Примерно в середине я наткнулся на письмо Теккерей с жалобой на то, как толкует его Троллоп в серии «Английские литераторы». Я позвонил Роберту, чтобы сообщить о своей находке.

— Ну? — только и сказал он.

— Посуди сам, Роберт: Теккерей сыграл в ящик за много лет до запуска этой серии.

— Ну? — повторил он, теперь почти высокомерно; а затем: — Читай дальше, Филип, я буду через час.

Я продолжил чтение и отметил некую закономерность. Сначала сообщения от духов (в соответствии с гипотезой) были непосредственными и легко распознаваемыми, будто рассчитанными на завоевание доверия. Затем, начиная с письма Теккерей, некоторые сообщения переходили к событиям, произошедшим после смерти автора: Генри Джеймс заявлял, что рассказы о нем Форда Мэдокса Форда «мягко говоря, не вполне соответствуют действительности», а Руперт Брук желчно сетовал, что Черчилль отождествлялся на его кончину глупейшим некрологом. Последняя страница оказалась еще удивительней: на ней была датированная прошлой пятницей тирада Д. Г. Лоуренса, обвиняющая Ливиса в искажении его слов.

Когда я открыл дверь, чтобы впустить Роберта, тот расплылся в улыбке при виде моего выражения лица.

— Я серьезен только потому, что до сих пор ищу подвох.

— Может, его и нет?

— Да ладно, ты не доверяй мне. Просто если бы речь шла о книге, мы могли бы заказать анализ бумаги, рассмотреть водяной знак или что-нибудь в этом роде. А здесь все «доказательства» — внутренние.

— Тем не менее это все равно доказательства.

— Но должны же быть какие-нибудь доступные нам способы проверки.

— Отправь несколько страниц на экспертизу. Причем только ранние документы, где нет особых противоре-

Барнс Дж.

- Б 25 Метроленд. До ее встречи со мной. Попугай Флобера : романы, рассказы / Джулиан Барнс ; пер. с англ. А. Борисенко, В. Сонькина, Т. Покидаевой, Е. Петровой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 736 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31356-9

Лауреат Букеровской премии Джулиан Барнс — современный английский классик, «самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм» (*The Scotsman*) — в январе 2026 года отмечает 80-летие выходом своей новой (и, возможно, последней) книги «Исход(ы)». Самое время вспомнить, с чего все начиналось, и данный том включает первые три романа «лучшего и тончайшего из наших литературных тяжеловесов» (*The Independent*), а также два его редких ранних рассказа (впервые на русском). Вашему вниманию предлагаются: «Метроленд» — «шедевр ностальгического эпатажа» (*Vogue*) и в то же время «одно из лучших в мировой литературе описаний семейного счастья» (*Лев Данилкин*), история людей, которые пытались изменить мир и сами не заметили, как мир изменил их (роман публикуется с дополнительными материалами — предисловие к юбилейному изданию, удаленная сцена); «До ее встречи со мной» — «безжалостно блестящий роман об отношениях, погубленных ревностью, полный тонких наблюдений о природе любви» (*Metro*); и «Попугай Флобера» — первая из книг Барнса, вошедших в шорт-лист Букеровской премии, «восхитительный роман, насыщающий ум и душу» (*Джозеф Хеллер*), в котором сквозь призму биографии Флобера Барнс пытается ответить на вопрос: что важнее для нас, читателей, — книги автора или его жизнь?..

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ДЖУЛИАН БАРНС
МЕТРОЛЕНД
•
ДО ЕЕ ВСТРЕЧИ СО МНОЙ
•
ПОПУГАЙ ФЛОБЕРА

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Светлана Федорова, Ульяна Смирнова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.01.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 45,08. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-48597-01-R